

АФФИКСАЛЬНАЯ МОРФЕМА КАК ЗНАК ЯЗЫКА И РЕЧИ

Словарь лингвистических терминов определяет морфему как наименьшую и регулярно воспроизводимую единицу системы выражения, непосредственно соотносимую с соответствующим ей элементом системы содержания (лингвистически релевантной единицей значения). Как форматив морфема выступает грамматическим аффиксом, обладающим чисто грамматической функцией. Однако даже формальная морфема является показателем, выразителем определенного языкового значения (О. С. Ахманова). Это делает возможным рассмотрение аффиксальной морфемы как языкового знака, который выступает не просто как носитель информации, но как орудие понятийного мышления и средство вербальной коммуникации, воплощая в себе самый высокий уровень абстракции. Языковой знак имеет диалектически противоречивую природу. Он является и деятельностью, процессом, и результатом этой деятельности. Существование языкового знака обусловлено его употреблением в речевой деятельности. В этом смысле знак существует как знаковый процесс, семиосис. Одновременно знак выступает в виде определенной данности, обобщенно представляющей результаты познавательной деятельности человека (Г. В. Колшанский).

В языковом знаке различают материальный экспонент (чувственно воспринимаемый в процессе общения, т.е. форму знака) и идеальную сторону (отражение материального экспонента в сознании людей и общественно закрепленное за экспонентом содержание) (Ю. С. Маслов).

Общесемиотическое свойство транспозиции знака в различные формы физической субстанции находится в противоречии с первичной (звуковой) природой языкового знака. Преодоление этого противоречия привело к необходимости идеализации языкового знака. Если понятие акустического субстрата знака отражает звуковую природу естественного языка, то понятие идеализированного знака предоставляет логическую возможность транспонирования акустического субстрата в другую, графическую, форму физической субстанции (С. К. Шаумян).

Существует гипотеза, согласно которой образы графических знаков хранятся в памяти человека наряду с образами звуковых знаков и принимают самостоятельное участие в мышлении и коммуникации (Э. П. Шубин). Наряду со звуковым и графическим, в сознании человека существуют артикуляторное, слуховое, графомоторное и зрительное изображения слова. Звуковое изображение возникает после артикуляторного и предшествует слуховому. Графическое изображение следует за графомоторным и предшествует зрительному. Только звуковое и графическое изображения не обладают психическими ассоциациями (Н. Д. Андреев).

Языковые знаки распределяются по типам соотношения между означающим и означаемым неравномерно. Это фундаментальное свойство отражено в известной мысли Ф. де Соссюра о сдвиге отношения между

означающим и означаемым языкового знака и разработано С. Карцевским в положении об асимметричном дуализме языкового знака. Каждое означаемое стремится быть выраженным иными средствами, чем собственное означающее, реализуясь в омофонии и гетерофонии. Г. П. Мельников, развивая положение об асимметричном дуализме языкового знака, выделил такие формы его проявления, как гетеронимия, омонимия, синонимия, полисемия, тропонимия, метасемия, аллонимия, изонимия. Если обозначить означающее как F (его варианты F*), а означаемое как S (его варианты S*), то возможные типы соотношения между ними могут принять следующий вид:

F–S (одно-однозначное соотношение);

F–S* (одно-многозначное соотношение);

F*–S (много-однозначное соотношение);

F*–S* (много-многозначное соотношение).

Рассмотрим специфику соотношения плана выражения и плана содержания аффиксальной морфемы *-s*. В различных морфолого-синтаксических условиях она выступает маркером категории множественного числа, индикатором категории посессивности, фиксатором категории действия. Асимметрия морфемы *-s* на данном уровне рассмотрения принимает форму категориальной омонимии. Функционально-семантическая многоплановость этой морфемы реализуется также в вариантности – графической *s/es* и фонетической [z,s,iz]. Таким образом, варьирование осуществляется как внутри плана содержания, так и внутри плана выражения (F*–S*). Однако графическое и фонологическое варьирование не обуславливает категориальное варьирование и, наоборот, категориальная омонимия этой морфемы не обуславливает ее фонологическую и графическую вариантность. Как графические, так и фонетические алломорфы являются равноправными репрезентантами категорий множественного числа, посессивности, действия. В рамках каждой категории фонетическое варьирование обусловлено не семантико-грамматическими, а фонологическими свойствами контактирующей корневой морфемы, а графическое варьирование обусловлено характером контактирующей графемы корня.

Своеобразными характеристиками обладает аффиксальная глагольная морфема *-ed*. Она может быть представлена соотношением F*–S*, т.е. вариативностью плана выражения и вариативностью плана содержания. Фонологическая обусловленность морфемного варьирования не сопровождается наличием коммутации алломорфов, т.е. не вызывает соответствующего изменения обозначаемой грамматической категории. В составе адъективных единиц (*wretched*, *wicked*, *crooked* и т.п.) морфема *-ed* представляет соотношение F–S: она реализует один фонологический вариант и выражает одно категориальное значение.

Особый случай асимметрии морфемы являет собой глагольный аффикс *-ing*. В различных синтаксических условиях он выступает носителем категориальных значений причастия, герундия и имени существительного. Семантическая неоднозначность морфемы *-ing* не сочетается с фонетической вариантностью; варьирование осуществляется внутри плана содержания (F–S*).

Вместе с тем морфема *-ing* обуславливает фонетическую вариативность морфологического шва (появление [r] в интервокальной позиции), «корректируя» фонологию корневой морфемы. Указанные особенности английских аффиксальных морфем являются свидетельством своеобразных взаимоотношений единиц плана выражения и единиц плана содержания, особенно в ситуациях, осложненных асимметрией морфемы как знака.